

землѧ ли претвориласѧ въ нѣбо, илъ нѣбо премѣнїлосѧ въ землю; єбѣ сіи рѣчи суть несвойственны. Что до матерїи принадлежитъ, суть тѣлеса небеснаѧ, и суть тѣлеса земнѣѧ: но ина єсть небесныи глаꙑа, ина земнии: инаѧ матерїя нѣба, инаѧ матерїя земли. ни матерїя небеснаѧ можетъ быти землею, ни матерїя земнѧя нѣ бомъ: однакоже, что касается до иныхъ дѣющаго таинства, не погрѣшии, єстьли свое сие допустимъ. Не на ст҃ѣны вертепныи, не на матерїю земли смотрѣ, но на таинство въ вертепѣ дѣющееся взирѧ безопаcно речемъ: стала землѧ нѣбомъ, стало нѣбо землею.

Двѧ гости иныхъ на оупокоенїе въ вертепѣ прибыли: и ѿ земли, и съ нѣба. Первый человѣкъ ѿ земли перестный, то гость єдинъ странный изъ Назарета, въ оутробѣ дѣвической принесенный. Вторый человѣкъ Господь съ небесе, то гость драгий. Станный не изъ ближнаго мѣста, съ нѣба. Въ первомъ, естество ѿ бренїи взятое землѧ то. Въ драгомъ, естество ѿ небесъ превыше сошедшее, назовемъ нѣбо то. Господь съ небесе. Бываєтъ Богъ человѣкомъ, а человѣкъ Богомъ: становится то нѣбо землею, а землѧ нѣбомъ, и не такъ становится нѣбо землею, дабы престало быти нѣбомъ: ни землѧ такъ становится нѣбомъ, чтобы престала быти землею, то есть не такъ бываєтъ Богъ, человѣкомъ, чтобы престало быти Богомъ, ни человѣкъ такъ бываєтъ Богомъ, чтобы престало быти человѣкомъ, но боє то такъ съ собою соединяютъся, какъ въ єномъ таинствѣ, ѿ которомъ Апостолъ: Будета оба въ плоть єдинъ (Еф: гл. 5). а тутъ въ лице єдино, икона красица глаголетъ Дамаскинъ: Не во двою лице раздѣляемъ, но въ двою естество несмѣшно поднаваемъ. Такое таинственное нѣбо съ землею, Бога съ человѣкомъ соединеніе въ виду еим-